

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № 209/2022 в отношении
адвоката М.

08.02.2024

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского А.В., Кучеренко И.М., Манкевича А.Е., Пальмского Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Саськова К.Ю., Семеняко Е.В., Чангли А.И. в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 08.02.2024 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер 1110 в реестре адвокатов Санкт-Петербурга), возбуждённое 27.12.2022 президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга Семеняко Е.В.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. явилась жалоба доверителя Д. поступившая в АП СПб 30.11.2022; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 27.12.2022.

Из жалобы Д. следует, что он обратился к адвокату М. в марте 2017 г. с просьбой представлять его интересы в Октябрьском районном суде г. Санкт-Петербурга по гражданскому делу о взыскании вексельной задолженности.

Между ним Д. и адвокатом М. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 01.03.2017 (далее – Соглашение от 01.03.2017). По факту выполнения поручения 25.05.2017 сторонами был подписан акт оказания услуг.

По мнению заявителя, в дальнейшем адвокатом М. были нарушены положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и КПЭА, поскольку адвокат стал оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов при следующих обстоятельствах.

В ходе выполнения поручения на основании Соглашения от 01.03.2017 адвокату М. стали известны сведения, касающиеся как непосредственно предмета поручения, так и иных аспектов жизни Д. в том числе сведения о его личной жизни, его предпринимательской деятельности, имущественном положении и др.

В настоящее время адвокат М. является представителем, в том числе в судах, бывшего коммерческого партнера Д. – Я. владея ранее полученной от Д. конфиденциальной информацией, защищённой положениями Закона об адвокатуре и КПЭА, использует её против самого Д. связанных с ним (аффилированных) физических лиц, а также формально не связанных с Д. организаций, но преследующих единую с ним цель.

Заявитель отмечает, что Я. была управляющей принадлежащего ему отеля 111, а также является одним из участников ООО 999, конечным бенефициаром которого является он, Д., через свою супругу Д.. Д. указывает, что в течение длительного времени его и Я. связывают близкие (интимные) отношения, у них есть общий ребенок, в отношении которого судом в настоящее время рассматривается иск об установлении отцовства Д. По указанному делу, как и по другим делам, интересы

Я. представляет адвокат М. .

Так, в настоящее время адвокат М. представляет интересы

Я. в Арбитражном суде Республики Карелия по делу № 111 по её иску к ООО 111 Н. (тесть Д. Д. (супруга заявителя) о признании недействительным решения общего собрания, связанного с отчуждением Ш. своей доли в уставном капитале общества. Решением Арбитражного суда от 01.11.2022 иск Я. был удовлетворён.

Д. полагает, что адвокат М. с учётом положений Закона об адвокатуре и КПЭА, не вправе был принимать поручение от Я., поскольку на момент принятия нового поручения был осведомлён об имеющемся конфликте интересов самого Д. и Я.

Адвокат М. представил возражения на жалобу (от 23.11.2022), в которых указал следующее.

При представлении в Октябрьском районном суде г. Санкт-Петербурга интересов Д. по гражданскому делу по иску Э. о взыскании с Д. вексельной задолженности, он М. получил доступ к сведениям, касающимся исключительно предмета и основания иска, тем более что рассмотрение дела завершилось утверждением судом мирового соглашения, заключённого между сторонами.

Ни Я. ни ООО 111 не имели к вышеуказанному спору никакого отношения.

Д. не представил доказательств передачи адвокату сведений, выходящих за рамки предмета и основания иска по делу № 000.

Доверитель не указал в жалобе, какие именно сведения, касающиеся его личной жизни, предпринимательской деятельности, имущественного положения и т.д., стали известны адвокату в ходе выполнения поручения.

Заявитель не является участником судебного спора по иску Я. к ООО 111 рассматриваемому Арбитражным судом Республики Карелия по делу № 111

Д. не указал в жалобе, какая именно информация, сообщённая адвокату, якобы может быть использована против самого доверителя и негативно отразиться на его интересах.

Д. вышла из состава участников ООО 111 в феврале 2021 г., т.е. уже два года назад.

Утверждение Д. о наличии общего ребенка с Я. является не более чем фантазией заявителя, ничем не подтверждено, а решение суда по данному спору пока не вынесено. Я. никогда не являлась коммерческим партнером Д. и не являлась управляющей якобы принадлежащего заявителю отеля 111

Д. признан банкротом решением арбитражного суда от 24.12.2020 с непогашенными долговыми обязательствами на сумму 880 млн. руб. Адвокат полагает, что никак не мог причинить вред имущественным интересам заявителя, поскольку последний как лицо, признанное несостоятельным, не располагает в настоящее время никаким имуществом.

В настоящее время Следственным отделом по г. Петрозаводску СК РФ по Республике Карелия расследуется уголовное дело по факту фальсификации сведений ЕГРЮЛ должностными лицами ООО 111 (подделка подписи Я. в протоколе общего собрания ООО 111 Супруга заявителя – Д. привлекла внимание следователя, и это фактически послужило причиной подачи жалобы Д.

Вексельный спор шестилетней давности между Э. и заявителем никак не пересекается с корпоративным спором Я. ООО 111 и другими его участниками, что опровергает доводы жалобы о наличии конфликта интересов. Доказательств иного Д. не представлено.

Д. представил дополнения (от 18.01.2023) к своей жалобе, в которых, среди прочего, указал, что наличие конфликта интересов выражается в том, что адвокат М. в ущерб интересам заявителя является представителем Я. в арбитражных судах; в

уголовном судопроизводстве (протоколы допроса прилагаются); в гражданских судах (дело № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства в Петроградском районном суде Санкт-Петербурга).

Также Д. акцентировал внимание на том обстоятельстве, что в уголовном деле № 12202861112111104 следователь отвёл М. от защиты Я. по мотиву наличия конфликта интересов.

В качестве приложения к дополнениям Д. представил:

- нотариально удостоверенную переписку между ним и адвокатом М.
- выписки из ЕГРЮЛ, подтверждающие партнёрство между Д. и

Я.

- протоколы допросов Д. и его супруги Д. в которых упоминается об их отношениях с Я.

Позднее Д. представил еще одни дополнения (от 08.03.2023) к своей жалобе, в которых, среди прочего, указал, что, представляя в судах интересы Я. адвокат М. допускал в процессуальных документах в отношении своего бывшего доверителя Д. незитичные, не соответствующие действительности высказывания, порочащие его честь и доброе имя; например, заявлял, что Д. «является преступником, с высокой степенью вероятности рецидивистом», является лицом, без определенного места жительства (БОМЖем)», «представляет опасность для окружающих вследствие агрессивности и невозможности контролировать свои действия», «страдает психическим расстройством» и др.

По мнению заявителя, приведённые высказывания направлены на формирование у других лиц отрицательной оценки личности Д. в интересах адвоката М. и его нового доверителя Я.

Адвокат М. представил дополнения (от 15.03.2023) к своим ранее представленным возражениям, в которых указал следующее.

Применительно к адвокатской деятельности в отношении адвоката действует презумпция добросовестности. Пока не доказано обратное, все действия адвоката предполагаются добросовестными.

В обоснование конфликта интересов Д. представил ненадлежащие доказательства, в частности, выписки из ЕГРЮЛ на ООО 111, ООО 111, ООО 222 полученные с сайта rusprofile.ru, имитирующие подлинные выписки с сайта ФНС РФ.

Петрозаводский городской суд Республики Карелия постановлением от 14.02.2023 признал незаконным и отменил постановление следователя от 05.12.2022 об отводе защитника М. не усмотрев конфликта интересов.

Д. умалчивает о своём насилии в отношении Я. и угрозах её дочери.

Вопреки утверждениям заявителя, юридическая помощь им М. оказывалась на основании соглашений об оказании юридической помощи, в частности, на основании Соглашения между адвокатом М. и ООО 111 от 01.06.2017 и дополнительного соглашения от 27.11.2017; на основании Соглашения между адвокатом М. и ООО 111 111 от 14.02.2017 и от 01.07.2017.

Д. сознательно отказался добровольно оплатить оказанные адвокатом М. правовые услуги, и последнему пришлось обратиться за взысканием задолженности в суд общей юрисдикции.

Заявитель не представил никаких доказательств того, в чём же выразилось нарушение адвокатом М. адвокатской тайны. В частности, не представлено доказательств того, что Д. сообщал адвокату сведения о своей частной жизни, профессиональной, предпринимательской деятельности, которые могут быть использованы против него.

Настоящей жалобой Д. пытается нейтрализовать М. как неудобного адвоката,

предотвращающего нанесение вреда с его стороны доверителю Я.

Позднее адвокат М. представил дополнения (от 20.03.2023) к своим ранее представленным возражениям, в которых указал следующее:

- оценочные суждения адвоката не могут рассматриваться как оскорбления либо как суждения, не соответствующие действительности;
- сообщая в процессуальных документах о возможном психическом расстройстве Д. адвокат не ставит диагноз своему бывшему доверителю, а только информирует гражданский суд о ранее проведенных в рамках уголовного дела исследованиях и просит истребовать их результаты (заключение);
- избиение Д. женщины, в частности доверителя Я. и угроза её старшей дочери как нельзя более явно свидетельствуют об агрессивном поведении Д. и его опасности для окружающих;
- 07.03.2019 полиция г. Берлина установила факт избиения и попытки удушения Я. со стороны Д. в гостиничном номере отеля «LLLLLLL» в состоянии алкогольного опьянения;
- сообщая суду о том, что Д. является лицом без определенного места жительства, адвокат только ссылается на конкретные доказательства, предъявленные суду;
- суд в открытом судебном заседании изменил меру пресечения Д. только потому, что последний заключил сделку со следствием и признал свою вину, что исключает его последующее оправдание.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 26.10.2023 адвокатом М. допущено нарушение:

1) взаимосвязанных положений

- подп. 1 ст. 8 КПЭА: «При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и настоящим Кодексом»;
- подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА: «Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 настоящего Кодекса»;
- п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре: «Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю»;
- п.п. 1, 2 и 3 ст. 6 КПЭА: «1. Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации. 2. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени. 3. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц».

Нарушение выразилось в следующем.

Адвокат М. в 2017 г. оказывал различные услуги правового характера на основании соглашений об оказании юридической помощи Д. а также лицам, юридически или фактически аффилированным с Д. – ООО 999 В ходе оказания юридической помощи указанным лицам адвокат М. оказывал Д. консультационные услуги правового характера по вопросам текущей хозяйственной деятельности аффилированных с доверителем организаций

– ООО 999 а также вёл переписку юридического содержания, которая касалась текущей хозяйственной деятельности ООО 999 и самого Д. Непосредственными участниками данной переписки являлись адвокат М. и податель жалобы Д.

В разное время в органы управления указанных юридических лиц входили (или входят в настоящее время) одни и те же физические лица – заявитель Д. его супруга Д. его бизнес-партнер Я. его тесть Н. имеющие взаимосвязанные коммерческие интересы.

При оказании данных услуг адвокат М. мог получить доступ к конфиденциальной информации самого доверителя Д. как личного, так и коммерческого характера, а также к конфиденциальной информации аффилированных с ним организаций, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам (коммерческая и иная охраняемая законом тайна).

Позднее адвокат М. стал представителем, в том числе в судах, бывшего коммерческого партнера Д. – Я. в частности:

- 21.10.2022 – против самого заявителя (по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства в Петроградском районном суде г. Санкт-Петербурга);

- 22.09.2021 – против формально не связанных с заявителем организаций, но преследующих единую с ним цель, т.е. фактически аффилированных (например, в Арбитражном суде Республики Карелия по делу № А 00-00000/2021 по иску Я. к ООО 111 Н. (тесть Д. Д. (супруга заявителя) о признании недействительным решения общего собрания участников общества;

- 22.09.2021 – в арбитражном споре по делу № 0000-99/2022 по иску Я. к ООО 111 Н. Д. о признании недействительным решения общего собрания участников общества.

В условиях указанных судебных споров разнообразного характера, возникших между Д. аффилированными с ним физическими лицами (его супругой Д. его тестем Н. с одной стороны, и его бывшим бизнес-партнером Я. с другой стороны, адвокат М. не обеспечил связанный с сохранением адвокатом профессиональной тайны адвоката (адвокатской тайны) иммунитет Д. и аффилированных с ним физических лиц (близких родственников), предоставленный Конституцией Российской Федерации.

2) взаимосвязанных положений

- подп. 2 ст. 8 КПЭА: «Адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи»;

- подп. 7 п. 1 ст. 9 КПЭА: «Адвокат не вправе допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения».

Нарушение выразилось в следующем.

Адвокат М. представляя в Петроградском районном суде г. Санкт-Петербурга интересы Я. по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства, использовал в процессуальных документах в отношении Д. (своего бывшего доверителя) неэтичные высказывания, содержащие оскорбительные по содержанию оценки его личности.

В частности, в тексте отзыва от 16.08.2022 на исковое заявление Д. по гражданскому делу № 111 по иску о признании отцовства, подписанного непосредственно адвокатом М. содержится недопустимая с точки зрения адвокатской этики и специфики отношений адвоката и его клиента (в том числе бывшего) оценка личности Д. его поведения, действий.

Это выразилось в следующих высказываниях адвоката М. в отношении Д.

- этого человека нельзя рассматривать в качестве лица, который может претендовать на отцовство любого ребенка;

- решение суда о признании Д. банкротом, факты хищения им денежных средств из

банка, которым он руководил, указывают на его алчность, азартность, невозможность объективной оценки происходящего и нечестность;

- совокупность фактов, относящихся к совершению Д. нескольких тяжких преступлений и к колоссальным личным долгам, ставшим причиной его банкротства, свидетельствуют о нравственном распаде его личности;

- после стольких фактов противоправных действий со стороны Д. нельзя не сомневаться в состоянии его психического здоровья;

- нет сомнений, что Д. систематически нарушающий закон, не способен положительно влиять на нравственное и духовное развитие других людей, тем более детей;

- приведённые факты указывают на нравственный и духовный распад личности самого Д.

- Д. как преступник, совершивший несколько тяжких преступлений и признавший свою вину, не может являться положительным примером для любого ребенка.

Адвокат М. в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, направил в Совет АП СПб письменное заявление (с приложениями) о несогласии с заключением Квалифкомиссии, в котором, в частности, указал следующее.

1.1. В одном и том же заключении Квалифкомиссия сначала утверждает, что он (адвокат М. использовал «неэтичные высказывания, содержащие негативные по содержанию оценки личности своего бывшего Доверителя», а затем неэтичные высказывания превратились в «оценочные суждения порочащего характера в отношении личности своего бывшего доверителя».

Из этого не понятно, как именно Квалифкомиссия квалифицирует его оценочные высказывания: как «неэтичные» или как «оценочные суждения, порочащего характера».

1.2. Признав, что предметом настоящего дисциплинарного производства не является защита чести и достоинства Д. Квалифкомиссия необоснованно сослалась на разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

1.3. Д. не лишён права на судебную защиту своей чести и достоинства. Более того с момента ознакомления с отзывом на исковое заявление, то есть на протяжении почти полутора лет, у Д. была возможность обращения в суд с соответствующими требованиями. Однако вместо этого он обратился в Квалифкомиссию.

1.4. В судебных актах, на которые ссылается Квалифкомиссия, речь идёт о порочащих сведениях; а сама Квалифкомиссия говорит об оценочных суждениях порочащего характера. Между указанными терминами имеется существенное различие.

1.5. Квалифкомиссией не были приняты во внимание иные мнения Верховного суда РФ, а именно:

а) оценочные суждения, мнения, убеждения являются выражением субъективного мнения и взглядов лица, и не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности;

б) ответственность лица, наступает только в случае, если действия лица были обусловлены исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом;

в) иски о защите чести, достоинства и деловой репутации удовлетворяются судом в случае установления совокупности трёх условий: сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности;

г) определение характера распространенной информации для отнесения этой информации к утверждениям о фактах или к оценочным суждениям, мнениям, убеждениям, требует специальных знаний в области лингвистики.

1.6. Представленное им в материалы дисциплинарного производства заключение по результатам лингвистического исследования опровергает выводы Квалифкомиссии.

1.7. Ни законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, ни КПЭА не установлены специальные нормы этики, применяемые исключительно к высказываниям адвоката, выражающим его мнение. Следовательно, при выражении своего мнения, его высказывания должны были соответствовать общим принципам нравственности, принятым в обществе. Такое соответствие подтверждается представленным им заключением по результатам лингвистического исследования.

1.8. Квалифкомиссия не приняла во внимание, что КПЭА чётко различает определения «высказывания, умаляющие честь и достоинство» и «выражения, порочащие честь и достоинство». Последние всегда применяется только по отношению к адвокату и никогда не применяется к иным участникам разбирательства. Между тем специалист-лингвист установил, что оценка личности Д. (его поведения, действий) не является унижающей честь и достоинство.

1.9. Учитывая оценочный характер его высказываний, который неоднократно был подтверждён и самой Квалифкомиссией, и специалистом-лингвистом, они (с учётом позиции Верховного суда РФ) не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности, так как являются выражением субъективного мнения и взглядов автора.

2.1. Обращает внимание на имеющееся в материалах дисциплинарного производства письмо Д. от 04.12.2017.

В этом письме Д. одновременно:

- для оказания юридической помощи Я. освобождает его от обязанности хранить адвокатскую тайну в отношении всех сведений, полученных от него при оказании ему юридической помощи;

- просит оказывать юридическую помощь самой Я. и юридическим лицам, в которых она является руководителем и/или участником;

- просит возобновить оказание ему юридической помощи и обязуется погасить все долги перед ним.

Считает, что Квалифкомиссия необоснованно отнеслась к этому письму критически.

2.2. Обращает внимание, что Д. неоднократно сообщал Квалифкомиссии недостоверные сведения, а также не предоставил надлежащих доказательств своим голословным утверждениям.

3. Не только при первоначальном, но и при повторном рассмотрении дисциплинарного дела Квалифкомиссия так и не смогла установить факт получения им доступа к конфиденциальной информации своего бывшего доверителя как личного, так и коммерческого характера. Поэтому в этой части заключение Квалифкомиссии основано на предположениях.

Если не установлен факт получения такой информации или факт получения доступа к ней, значит не может быть установлен и факт использования им информации против Д.

Предположение Квалифкомиссии не является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

Добросовестность адвоката презюмируется. Обязанность опровержения презумпции добросовестности адвоката возлагается на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается, как на основание своих требований

4. Обращает внимание, что доказательства, свидетельствующие о возможном доступе к конфиденциальной информации, в заключении Квалифкомиссии не указаны.

5. Считает, что при рассмотрении вопроса об оказании им юридической помощи в условиях конфликта интересов Квалифкомиссией не принято во внимание следующее:

- конфликт интересов может иметь место тогда, когда адвокат сталкивается с

необходимостью учитывать противоположные интересы нескольких сторон одного и того же конфликта. При оказании юридической помощи Я. такой необходимости у него не возникало; сам по себе факт оказания юридической помощи двум разным лицам в разное время (с разницей почти в 6 лет) по не связанным между собой делам не является достаточным основанием для вывода о наличии конфликта интересов между этими лицами;

- чёткие критерии, которые препятствовали бы адвокату принимать поручения от доверителя при наличии конфликта интересов, в законодательстве не указаны;

- определяющим критерием для принятия поручения Я. являлось отсутствие у него сведений, составляющих адвокатскую тайну, которые он ранее мог получить от Д. при оказании юридической помощи, и невозможность использования этих сведений против него. При этом в момент принятия поручения от Я. у него имелось письменное согласие Д. на разглашение адвокатской тайны;

- закон не запрещает адвокату принять поручение, граничащее с конфликтом интересов, получив на это одновременно два согласия доверителя;

- Д. не предъявил доказательств сообщения ему любых сведений о себе, выходящих за рамки оказанной ему шесть лет назад юридической помощи;

- Квалифкомиссия не установила того, что он имел доступ к конфиденциальной информации Д. и что он использовал такую информацию против Д.

- Д. не предъявил доказательств того, что, представляя интересы

Я. он использовал или мог использовать против него сведения, которые он сообщал адвокату ранее;

- Д. не предъявил доказательств того, что он нарушил адвокатскую тайну и разгласил сведения, ранее полученные от доверителя;

- запрет конфликта интересов взаимосвязан с фундаментальным институтом охраны адвокатской тайны (п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре), меня от обязанности хранить которую Д. его освободил, одновременно предоставив согласие на оказание юридической помощи Я.

6. Представленные заявителем материалах дисциплинарного производства выписки с сайта Rusprofile.ru являются ненадлежащими доказательствами.

Участники дисциплинарного производства извещены о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 08.02.2024 надлежащим образом.

Заявитель Д. на заседание не явился, о причинах неявки не сообщил, представителя не направил, об отложении слушания дела не просил.

Адвокат М. на заседание явился, выразил несогласие с заключением Квалифкомиссии, подтвердил приверженность ранее изложенной позиции, ответил на вопросы членов Совета.

Совет АП СПб, изучив материалы дисциплинарного производства, заслушав адвоката, обсудив заключение Квалифкомиссии, приходит к следующему.

Квалифкомиссия установила, что в марте 2017 г. к адвокату М. обратился Д. с просьбой представлять его интересы в Октябрьском районном суде г. Санкт-Петербурга по гражданскому делу о взыскании вексельной задолженности. Между адвокатом М. и Д. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи от 01.03.2017.

Услуги адвокатом были оказаны, по факту выполнения поручения 25.05.2017 сторонами был подписан акт оказания услуг.

Также адвокат М. в 2017 г. оказывал консультационные правовые услуги лицам, юридически или фактически аффилированным с Д.

В частности, 01.06.2017 адвокатом М. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи с ООО «999», а потом – дополнительное соглашение к нему от

27.11.2017.

14.02.2017 адвокатом М. было заключено Соглашение об оказании юридической помощи с ООО 111 111 а 01.07.2017 – дополнительное соглашение к нему.

Как следует из нотариально удостоверенного протокола осмотра доказательств от 16.01.2023, с электронного адреса 111 в период с февраля 2017 г. по сентябрь 2017 г. на адрес электронной почты 111 приходили письма и запросы правового содержания – тексты проектов доверенностей, проекты договорных обязательств (поставки, агентские обязательства и т.д.), протоколы разногласий и др.

Данная переписка юридического содержания касалась текущей хозяйственной деятельности ООО 999 а также самого Д.

Непосредственными участниками данной переписки являлись адвокат М. и податель жалобы Д.

Согласно представленным Д. выпискам из ЕГРЮЛ с сайта rusprofile.ru:

- в ООО 111 111 111 по состоянию на 17.01.2023 в числе учредителей общества указаны Я. и Д. (это обстоятельство не оспаривается обеими сторонами);

- в ООО 111 в 2017 г. руководителем организации являлась

Я. а единственным участником указана Д. (данное общество было исключено из ЕГРЮЛ 11.09.2020 в административном порядке в связи с недостоверностью сведений, о которых внесена запись);

- в ООО 111 в 2015 г. в числе учредителей общества указаны Я. и Д.

- в ООО 111 в 2023 г. участниками общества являются Я. и

Н. (тесть Д.

- в ООО 111 в 2016 г. руководителем организации являлась Я. а в 2017 г.

руководителем был Д.

Согласно протоколу допроса свидетеля Д. от 22.11.2022 по уголовному делу №12202861112111104:

- Д. является финансовым директором ООО 111 111

- Д. являлся основателем и бенефициаром ООО 111

а Д. являлась в разные периоды времени участником данной организации;

- Н. является её отцом и, соответственно, тестем Д.

- в настоящее время Д. и Д. являются фактическими бенефициарами ООО 111 через своё аффилированное лицо – Н. (доля участия в уставном капитале – 60 %), и у них имеется корпоративный конфликт с

Я. (доля участия в уставном капитале – 40 %), которая позиционирует себя перед контрагентами общества как единственный фактический владелец и пытается отстранить супругов от управления ООО 111

То обстоятельство, что в разное время в органы управления одних и тех же коммерческих юридических лиц (п. 2 ст. 50 ГК РФ) – ООО 999 входили (или входят в настоящее время) одни и те же физические лица – заявитель Д. его супруга Д. его бизнес-партнер Я. его тесть Н. – подтверждает наличие взаимосвязанности коммерческих интересов данных физических лиц, поскольку соответствует критериям аффилированности (взаимосвязанности), установленным ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции», ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 (ред. от 26.07.2006) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках».

Согласно Отчёту об операциях по счёту № 111111111111111 в Санкт-Петербургском филиале Банка «2222» (ПАО) г. Санкт-Петербург, принадлежащему ООО 111 28.02.2017, 31.03.2017, 03.05.2017, 29.06.2017 осуществлялись финансовые транзакции от ООО 111 на банковскую карту М. равными платежами по 23 111 руб.

Позднее Д. узнал, что адвокат М. является представителем, в том числе в судах, его бывшего коммерческого партнера Я. в частности:

- против самого заявителя (по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства в Петроградском районном суде г. Санкт-Петербурга);
- против связанных с ним (аффилированных) физических лиц (например, в уголовном деле №12202861112111104);
- против формально не связанных с заявителем организаций, но преследующих единую с ним цель, т.е. фактически аффилированных (например, в Арбитражном суде Республики Карелия по делу № А 99/001011011 по иску Я. к ООО 111 Н. (тесть Д. Д. (супруга заявителя) о признании недействительным решения общего собрания участников общества.

18.09.2023 Д. представил свою позицию относительно решения Совета от 06.07.2023, где среди прочего указал, что адвокат М. принял поручение против своего бывшего доверителя на представление интересов Я. в следующие сроки:

- по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства в Петроградском районном суде Санкт-Петербурга – 21.10.2022 на основании соглашения, что подтверждается датой выдачи адвокатского ордера;
- в арбитражном споре по делу № 111 по иску Я. к ООО 111 Н. (тесть Д. Д. (супруга доверителя) о признании недействительным решения общего собрания участников общества – 22.09.2021, что подтверждается датой выдачи Я. судебной доверенности 78 АВ 0821380 на имя адвоката М.
- в арбитражном споре по делу № А00-00/2022 по иску Я. к ООО 111 Н. (тесть Д. Д. (супруга доверителя) о признании недействительным решения общего собрания участников общества – 22.09.2021, что подтверждается датой выдачи Я. судебной доверенности 78 АВ 000000000 на имя адвоката М.

После вынесения Советом решения от 06.07.2023 и возвращения настоящего дисциплинарного производства в Квалифкомиссию для нового разбирательства сторонами в материалы дисциплинарного производства были представлены дополнительные доказательства и правовые позиции по существу спора.

Адвокатом М. в качестве дополнения к заявлению от 21.04.2023 о несогласии с заключением Квалифкомиссии было представлено заключение специалиста №027-л/23 от 26.05.2023 Г.Ю.А., которая провела лингвистическое исследование подписанного непосредственно адвокатом М. отзыва на исковое заявление Д. от 16.08.2022 по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства, рассматриваемому в Петроградском районном суде Санкт-Петербурга, в котором специалист пришла к следующим выводам.

1) Да, в представленном на исследование тексте отзыва на исковое заявление Д. содержится оценка личности Д. его поведения, действий в следующих высказываниях (оценочных суждениях):

- Д. является преступником, с высокой вероятностью признания рецидивистом;
- Д. признан банкротом,
- Д. является лицом, без определённого места жительства (БОМЖем);
- Д. представляет опасность для окружающих вследствие агрессивности и невозможности контролировать свои действия;
- Д. страдает психическим расстройством;
- Д. нельзя рассматривать в качестве лица, который может претендовать на отцовство любого ребенка;
- решение суда о признании Д. банкротом, факты хищения им денежных средств из банка, которым он руководил, указывают на его алчность, азартность, невозможность объективной оценки происходящего и нечестность;
- совокупность фактов, относящихся к совершению Д. нескольких тяжких

преступлений и к колоссальным личным долгам, ставшим причиной его банкротства, свидетельствуют о нравственном распаде его личности;

- многомиллионные долги не только Д. но и его супруги, свидетельствуют не просто о безответственном, но, по меньшей мере, об опасном поведении Д. эти факты указывают на его абсолютную неспособность содержать свою семью;

- насильственные действия Д. по отношению к Я. свидетельствуют о его общественной опасности и неспособности к самоконтролю;

- после стольких фактов противоправных действий со стороны Д. нельзя не сомневаться в состоянии его психического здоровья;

- нет сомнений, что Д. систематически нарушающий закон, не способен положительно влиять на нравственное и духовное развитие других людей, тем более детей;

- приведённые факты указывают на нравственный и духовный распад личности самого Д.

- Д. как преступник, совершивший несколько тяжких преступлений и признавший свою вину, не может являться положительным примером для любого ребенка.

2) Нет, форма выражения оценки личности Д. содержащаяся в тексте отзыва, не является неприличной.

3) Нет, в представленном тексте отзыва оценка личности Д. (его поведения, действий) не является унижающей честь и достоинство Д.

4) Нет, в представленном на исследование тексте отзыва не имеются неэтичные высказывания, содержащие оскорбительные по содержанию оценки личности Д.

5) Нет, в представленном на исследование тексте отзыва не содержатся оценочные суждения оскорбительного характера в отношении Д.

Кроме того, адвокатом М. дополнительно представлено адресованное к нему письмо от 04.12.2017 б/н, исходящее от Д. где последний:

- просит адвоката М. возобновить оказание помощи самому Д.

- просит оказывать юридическую помощь Я. и юридическим лицам, в которых она является руководителем и/или участником;

- для оказания юридической помощи Я. освобождает адвоката

М. от обязанности хранить адвокатскую тайну в отношении всех сведений, полученных адвокатом при оказании юридической помощи самому Д.

К этому письму адвокат приложил заключение специалиста № 041-п/23 Д.Н.Р., которая провела почерковедческое экспертное исследование и пришла к следующим выводам:

- подпись от имени Д. на оригинале письма на имя адвоката М. от 04.12.2017 выполнена Д. в обычном состоянии. Каких-либо признаков, свидетельствующих о необычных условиях выполнения данной подписи, не имеется;

- исследуемая подпись от имени Д. выполнена непосредственно на документе шариковой ручкой, пастой синего цвета. Признаков предварительной подготовки, свидетельствующих о технической подделке при выполнении исследуемой подписи, не имеется.

В свою очередь, заявитель представил в Квалифкомиссию:

1) свою позицию от 18.09.2023 по решению Совета, где:

- высказался о времени совершения адвокатом вменяемых ему деяний (см. об этом выше);

- представил соглашения об оказании юридической помощи, заключенные адвокатом М. с организациями, фактически и юридически аффилированными с заявителем, для

подтверждения того обстоятельства, что адвокат М. был максимально погружён в личные и коммерческие дела Д.

- дал свою оценку таким доказательствам как выписки в отношении аффилированных с ним организаций, полученные с сайта rusprofile.ru.

2) свои пояснения, где Д. делает заявление о том, что дополнительно представленное адвокатом М. адресованное к нему лично письмо от 04.12.2017 б/н, исходящее от Д. где последний освобождает адвоката от обязанности хранить адвокатскую тайну в отношении всех сведений, полученных от Д. является сфальсифицированным и Д. не подписывалось.

В обоснование своих выводов Квалифкомиссия сослалась на положения подп. 1 ст. 8 КПЭА, подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА (содержание которых было приведено выше), а также Разъяснения № 02/19 Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам об осуществлении адвокатом деятельности эскроу-агента (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов 17.04.2019, протокол № 7): «Адвокат должен соблюдать специальные положения об условиях оказания юридической помощи при конфликте интересов доверителей, в частности, при представлении лиц с различными интересами, а равно при потенциальной возможности конфликта интересов доверителей (пп. 10 п. 1 ст. 9, ст. 11 КПЭА)».

Квалифкомиссия установила, что из представленной нотариально удостоверенной переписки вытекает, что адвокат М. в 2017 г. оказывал Д. широкий спектр консультационных услуг правового характера.

В частности, адвокат М. оказывал услуги правового характера на основании соглашений об оказании юридической помощи самому Д. ООО 111 ООО 111 111 а также оказывал заявителю консультационные услуги правового характера по вопросам текущей хозяйственной деятельности аффилированных с заявителем организаций – ООО 111 111 111 ООО 111 ООО 111 ООО 111

При оказании данных услуг адвокат мог получить доступ к конфиденциальной информации самого заявителя (как личного, так и коммерческого характера), а также к конфиденциальной информации аффилированных с ним организаций, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности её третьим лицам (коммерческая и иная охраняемая законом тайна).

Данное обстоятельство подтверждается, в числе прочего, тем, что для проведения специалистом Д. почерковедческого экспертного исследования письма от 04.12.2017 б/н, адвокат М. представил специалисту в качестве условно-свободных и экспериментальных образов подписи Д. разнообразную деловую переписку заявителя, оказавшуюся в распоряжении адвоката в рамках оказания им консультационных услуг.

Кроме того, из представленной нотариально удостоверенной переписки вытекает, что адвокат М. оказывал Д. в 2017 г. широкий спектр консультационных услуг правового характера без оформления соглашения об оказании юридической помощи.

Данное нарушение в силу истечения предельного двухлетнего срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности (п. 5 ст. 18 КПЭА), не может являться основанием для применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности, но свидетельствует о том, что адвокат М. получил (или мог получить) доступ к широкому спектру конфиденциальной (в том числе и личной) информации, обеспечивающей интересы самого Д. и аффилированных с ним физических и юридических лиц.

Квалифкомиссия отметила, что в условиях нескольких судебных споров, возникших между Д. аффилированными с ним физическими лицами (его супругой Д. его тестем Н. с одной стороны, и его бывшим бизнес-партнером Я. с другой стороны, (при том, что эти споры носят разнообразный характер – корпоративный спор в ООО 111 в арбитражном суде, спор об установлении отцовства в Петроградском районном суде Санкт-Петербурга, уголовное дело № 000000000000000000) предусмотренные п. 1 ст. 6 КПЭА положения о

профессиональной тайне адвоката (адвокатской тайне) обеспечивают иммунитет Д. и аффилированных с ним физических лиц (близких родственников), предоставленный Конституцией Российской Федерации.

1. Анализируя заключение Квалифкомиссии в части её выводов об оказании адвокатом М. юридической помощи доверителям в условиях конфликта интересов, Совет АП СПб отмечает, что рассматриваемая правовая ситуация является спорной, относительно неё в адвокатском сообществе ведётся дискуссия (см. об этом: Ю.С. Пилипенко. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката. Стр. 137 – 144; Царьков Павел. Дисциплинарный аспект конфликта интересов в адвокатской деятельности; Флейшман Игорь. Об ответственности адвокатов в случае оказания юридической помощи в условиях конфликта интересов; Трубецкой Никита. Две составляющих проблемы).

Если коротко сформулировать суть проблемы, то она состоит в том, может ли адвокат принять поручение по делу, если ранее он уже оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам лица, обратившегося с просьбой о ведении дела.

Отмечается явная недостаточность регулирования, установленного Законом об адвокатуре и КПЭА, и его терминологическая неточность, которые стали предметом рассмотрения в юридической литературе⁴.

При этом в зависимости от толкования терминов, содержащихся в ст. 11 КПЭА, возможно как узкое, так и широкое понимание конфликта интересов.

Если говорить о ключевых позициях, обозначающих различия между широким и узким толкованием конфликта интересов, то можно выделить следующие аспекты:

- субъектный (следует ли под "стороной в деле" понимать доверителя с его аффилированными лицами или одного только доверителя);
- юрисдикционный (следует ли понимать под "делом" конкретный спор, рассматриваемый в суде или ином органе, либо конфликт вообще);
- хронологический (имеет ли представлявший данного доверителя по одному делу адвокат право впоследствии представлять интересы его оппонентов по иному делу с другим предметом спора и составом участников).

В рассматриваемой ситуации имеется правовая неопределенность. Последствия нарушения неочевидны (нет достоверно выраженных последствий). В таких условиях дисциплинарные органы должны проявить исследовательскую деятельность для установления наличия явного или скрытого конфликта интересов, обстоятельств применения адвокатом ранее полученных конфиденциальных сведений в деле против бывшего доверителя и т.п. Гораздо большая нагрузка (по предоставлению надлежащих доказательств) ложится и на стороны дисциплинарного производства, в том числе на заявителя жалобы, поскольку в данном случае преодолеть «презумпцию добросовестности» адвоката сложнее.

В данном случае мы столкнулись с ситуацией, когда адвокат представляет не стороны с антагонистическими интересами, а те, которые в силу различных нюансов могут иметь потенциально различные интересы. Здесь важно определить не только умозрительную опасность такого рода неосмотрительных действий адвоката, сколько оценить их последствия в виде реального вреда частным, корпоративным либо общественным интересам в результате «порочного» представительства.

Совет АП СПб отмечает, что заявителем Д. не представлено доказательств использования адвокатом М. в ходе оказания юридической помощи Я. каких-либо конкретных сведений, полученных им при оказании юридической помощи Д. 000 111 000 222 000 333 000 444 000 555 000 666

В материалах дисциплинарного дела отсутствуют доказательства:

- сообщения Д. адвокату М. любых сведений о себе, выходящих за рамки оказанной ему юридической помощи;

- того, что, представляя интересы Я. адвокат М. использовал или мог использовать против бывшего доверителя сведения, которые тот сообщал ему ранее;
- нарушения адвокатом М. режима адвокатской тайны и разглашения ранее сообщённых ему сведений;
- того, что Д. и Я. когда-либо являлись коммерческими партнерами;
- того, что адвокат М. владел конфиденциальной информацией о Д. которую использовал против него и одновременно в интересах Я.

Следовательно, презумпция добросовестности адвоката М. в части данного дисциплинарного обвинения не опровергнута.

Кроме этого, Совет АП СПб критически относится к выводам Квалифкомиссии относительно достоверности сведений, содержащихся в представленном адвокатом М. письме от 04.12.2017 б/н, адресованным ему Д. где последний освобождает адвоката М. от обязанности хранить адвокатскую тайну в отношении всех сведений, полученных от заявителя.

В частности, по мнению Совет АП СПб, на достоверность указанного доказательства не влияет то обстоятельство, что данное письмо не было представлено при первоначальном рассмотрении дисциплинарного спора в Квалифкомиссии и появилось в материалах дела только после вынесения Квалифкомиссией обвинительного заключения в отношении адвоката. Тем более, что адвокат М. объяснил представление упомянутого письма лишь к повторному рассмотрению дела Квалифкомиссией его поздним обнаружением в своём архиве документов.

Относительно довода, что адвокат М. будучи заблаговременно ознакомленным с заявлением своего бывшего заявителя о фальсификации письма от 04.12.2017 б/н, не представил в Квалифкомиссию оригинал данного документа, Совет АП СПб отмечает, что в материалах дисциплинарного производства, в том числе в заключении Квалифкомиссии отсутствуют сведения о том, что Квалифкомиссия предлагала адвокату М. представить оригинал спорного письма для обозрения. На это же обстоятельство обратил внимание и адвокат М. пояснив Совету, что готов был предоставить оригинал письма, но Квалифкомиссия его об этом не просила. Кроме этого, о том, что адвокат М. располагал оригиналом письма от 04.12.2017 б/н свидетельствует упоминание в заключении специалиста № 041-п/23

Д. именно оригинала письма, представленного адвокатом М. для экспертного исследования.

Что касается суждений Квалифкомиссии о том, что:

- сделанное заявителем заявление о фальсификации этого письма и о том, что оно Д. никогда не подписывалось, опровергает фактическую презумпцию принадлежности подписи на документе самому Д. поскольку такое заявление исходит от самого лица, указанного в качестве подписанта, а не от третьего (иного) лица;

- в этом случае риск недоказанности подлинности данного документа остаётся на адвокате,

оно отклоняется Советом, поскольку в нарушение правил, установленных абз. 4 п. 14 ст. 23 КПЭА, Квалифкомиссия не привела доводы, по которым она не приняла во внимание выводы, содержащиеся в заключении специалиста № 041-п/23 Д.

1, 2. Подпись от имени Д. на оригинале письма на имя адвоката

М. от 04.12.2017 выполнена Д. в обычном состоянии. Каких-либо признаков, свидетельствующих о необычных условиях выполнения данной подписи, не имеется.

3. Исследуемая подпись от имени Д. выполнена непосредственно на документе шариковой ручкой, пастой синего цвета. Признаков предварительной подготовки, свидетельствующих о технической подделке при выполнении исследуемой подписи, не имеется.

Обсудив заключение Квалифкомиссии в указанной части, Совет АП СПб в соответствии с п. 8.6 регламента Совета АП СПб перешёл к голосованию по этому

вопросу.

В результате голоса членов Совета АП СПб разделились поровну, из пятнадцати присутствующих членов Совета семь проголосовали за предложение согласиться с заключением Квалифкомиссии в указанной части и, следовательно, за наличие в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА; семь членов Совета проголосовали за принятие решения о необходимости прекращения дисциплинарного производства в соответствующей части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА; один член Совета воздержался.

Согласно п. 8.6 регламента Совета АП СПб: «При равенстве голосов по вопросам, относящимся к итоговому решению Совета, принятым считается решение, наиболее благоприятное для адвоката, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство.»

В соответствии с п. 1.1 решения Совета Федеральной палаты адвокатов от 22.03.2011 «О принятии решений квалификационными комиссиями и советами региональных адвокатских палат в случае равенства голосов при голосовании» (Протокол № 9): «При равенстве голосов членов совета адвокатской палаты по вопросу о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности принимается решение о прекращении дисциплинарного производства по основаниям, предусмотренным пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.»

При таком положении в части дисциплинарных обвинений об оказании адвокатом М. юридической помощи в условиях конфликта интересов принятым считается решение о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА, вопреки заключению квалификационной комиссии.

Вместе с тем, учитывая итоги голосования, Совет АП СПб считает необходимым указать адвокату М. на необходимость осмотрительного и взвешенного подхода к принятию поручений на ведение дел против своих бывших доверителей, как неоднозначных с точки зрения адвокатской этики.

2. Анализируя заключение Квалифкомиссии в части её выводов об использовании адвокатом М. в процессуальных документах в отношении Д. неэтичных высказываний, содержащих оскорбительные по содержанию оценки личности своего бывшего доверителя Д. Совет АП СПб приходит к следующим выводам.

Квалифкомиссия нашла недопустимым поступком со стороны адвоката М. когда последний, представляя в Петроградском районном суде г. Санкт-Петербурга интересы Я. по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства, использовал в процессуальных документах в отношении Д. неэтичные высказывания, содержащие оскорбительные по содержанию оценки личности своего бывшего доверителя Д.

Возражение адвоката М. о том, что «оценочные суждения адвоката не могут рассматриваться как оскорбления, либо как суждения, «не соответствующие действительности», Квалифкомиссией были отклонены ввиду следующего.

Действительно, п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3

«О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» предусмотрено, что информация, сообщённая в процессуальных документах в ходе рассмотрения дела об участвовавших в нем лицах, адресована суду, является доказательством по делу, должна быть оценена судом при вынесении решения по процессуальным правилам, и не является распространением порочащих сведений.

Однако, п. 2 ст. 8 КПЭА профессиональной этики адвоката содержит специальную норму о том, что адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи.

Более того, одновременно с введением в гражданском, арбитражном и административном процессе в 2019 г. института профессионального представительства (ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, ч. 3 ст. 59 АПК РФ, ч. 1 ст. 55 КАС РФ), задачи которого реализуют в судах, в том числе и адвокаты как квалифицированные советники в вопросах толкования и применения права, повысились и требования к поведению таких профессиональных представителей при отправлении правосудия.

Например, в Решении Верховного Суда РФ от 10.01.2019 № 87-ААД18-3 и в статье Момотова В.В., председателя Совета судей РФ, секретаря Пленума Верховного Суда РФ «Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России // Судья. 2019. №4. стр. 8 – 15», указано, что, исходя из требований общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом, являются неприемлемыми процессуальные документы – жалобы, заявления, отзывы и т.д., в которых приведены оскорбительные, унижающие честь и достоинство выражения, адресованные не только суду, но и иным участникам судебного процесса, поскольку такое процессуальное поведение не имеет ничего общего с целями правосудия.

Согласно подп. 7 п. 1 ст. 9 КПЭА адвокат не вправе допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения.

При оценке лингвистического заключения специалиста № 027-л/23 от 26.05.2023 Квалифкомиссия приняла во внимание следующую правовую позицию, сформулированную в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2021 № 49-КГ21-31-К6: «вопрос о том, являются ли сведения порочащими честь и достоинство, не относится к компетенции эксперта и должен разрешаться самим судом».

Иными словами, данный вопрос является не вопросом факта, а вопросом права, т.е. не может быть отнесён к предметной компетенции специалиста (и соответственно не может быть разрешён специалистом, который является «квалифицированным свидетелем факта», но не обладает правоприменительными полномочиями в вопросах толкования и применения правовых норм), а относится к исключительной компетенции Квалифкомиссии и Совета как правоприменителей, разрешающих в рамках дисциплинарного производства дисциплинарный спор между адвокатом и заявителем.

По мнению Квалифкомиссии, в тексте отзыва от 16.08.2022 на исковое заявление Д. по гражданскому делу № 111 по иску о признании отцовства, подписанного непосредственно адвокатом М. содержится недопустимая с точки зрения адвокатской этики и специфики отношений адвоката и его клиента (в том числе бывшего) оценка личности Д. его поведения и действий.

Это выразилось в следующих высказываниях адвоката М. в отношении Д.

- этого человека нельзя рассматривать в качестве лица, который может претендовать на отцовство любого ребенка;

- решение суда о признании Д. банкротом, факты хищения им денежных средств из банка, которым он руководил, указывают на его алчность, азартность, невозможность

объективной оценки происходящего и нечестность;

- совокупность фактов, относящихся к совершению Д. нескольких тяжких преступлений и к колоссальным личным долгам, ставшим причиной его банкротства, свидетельствуют о нравственном распаде его личности;

- после стольких фактов противоправных действий со стороны Д. нельзя не сомневаться в состоянии его психического здоровья;

- нет сомнений, что Д. систематически нарушающий закон, не способен положительно влиять на нравственное и духовное развитие других людей, тем более детей;

- приведённые факты указывают на нравственный и духовный распад личности самого Д.

- Д. как преступник, совершивший несколько тяжких преступлений и признавший свою вину, не может являться положительным примером для любого ребенка.

Квалифкомиссия отметила, что согласно абзацу пятому п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

В данном случае, с одной стороны, приведённые адвокатом М. в процессуальном документе (отзыве на исковое заявление об установлении отцовства) порочащие бывшего доверителя (заявителя) сведения не являются их распространением в силу п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3.

Кроме того, предметом настоящего дисциплинарного производства не является защита чести и достоинства Д. поэтому не имеет значения, соответствуют ли эти сведения действительности или нет.

Однако, с другой стороны, учитывая установленную Законом об адвокатуре и КПЭА фидуциарную, доверительную природу отношений адвоката и его доверителя, без которой в принципе невозможно существование адвокатуры в её нынешнем виде как института профессиональной, квалифицированной защиты нарушенных прав клиента, использование адвокатом в исходящих от него процессуальных документах оценочных суждений порочащего характера в отношении личности своего бывшего доверителя, является недопустимым, поскольку это прямо нарушает требования ст. 8, ст. 9 КПЭА и причиняет ущерб авторитету всей адвокатуры как профессиональной корпорации.

Обсудив заключение Квалифкомиссии в указанной части, Совет АП СПб в соответствии с п. 8.6 регламента Совета АП СПб перешёл к голосованию по этому вопросу.

В результате голоса членов Совета АП СПб разделились поровну, из пятнадцати присутствующих членов Совета семь проголосовали за предложение согласиться с заключением Квалифкомиссии в указанной части и, следовательно, за наличие в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА; семь членов Совета проголосовали за принятие решения о необходимости прекращения дисциплинарного производства в соответствующей части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА; один член Совета воздержался.

Согласно п. 8.6 регламента Совета АП СПб: «При равенстве голосов по вопросам, относящимся к итоговому решению Совета, принятым считается решение, наиболее благоприятное для адвоката, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство.».

В соответствии с п. 1.1 решения Совета Федеральной палаты адвокатов от 22.03.2011 «О принятии решений квалификационными комиссиями и советами региональных адвокатских палат в случае равенства голосов при голосовании» (Протокол № 9): «При равенстве голосов членов совета адвокатской палаты по вопросу о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности принимается решение о прекращении дисциплинарного производства по основаниям, предусмотренным пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.».

При таком положении в части дисциплинарных обвинений об использовании адвокатом М. неэтичных оскорбительных высказываний в отношении Д. принятым считается решение о прекращении дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката М. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА, вопреки заключению квалификационной комиссии.

Пользуясь своим правом, как правоприменителя, разрешающего в рамках дисциплинарного производства спор между адвокатом и заявителем, Совет АП СПб, вопреки заключению Квалифкомиссии, не усмотрел в спорных высказываниях признаков неэтичного поведения, а также оскорбительных по содержанию оценок личности Д. умаляющих его честь и достоинство, причинивших ущерб авторитету всей адвокатуры как профессиональной корпорации.

Совет АП СПб отмечает, что спорные суждения были основаны не на личном общении адвоката М. с бывшим доверителем Д. а на материалах гражданского дела и информации, предоставленной новым доверителем адвоката – Я.

Это следует из пояснений адвоката М. доказательств обратного не представлено.

Кроме этого, Совет АП СПб полагает, что спорные высказывания относились к предмету доказывания по гражданскому делу № 111 по иску Д. к Я. о признании отцовства и были направлены на установление истины по делу.

Вместе с тем, учитывая итоги голосования, Совет АП СПб считает необходимым указать адвокату М. на необходимость осмотрительного и взвешенного подхода к использованию выражений и суждений неоднозначных с точки зрения адвокатской этики.

С учётом изложенного Совет АП СПб приходит к выводу, что в ходе настоящего дисциплинарного производства презумпция добросовестности адвоката М. не была опровергнута, его вина в ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей отсутствует, а его действия соответствуют предписаниям законодательства об адвокатуре, включая КПЭА.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА: «Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса, вопреки заключению комиссии».

При таких обстоятельствах Совет АП СПб полагает необходимым прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. по указанному основанию.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга при равенстве голосов

решил:

прекратить дисциплинарное производство № 209/2023 в отношении адвоката М. (регистрационный номер 1110 в реестре адвокатов Санкт-Петербурга) вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.